A 119/498

498.

А 119/498

2007059734

О лѣсоохраненіи по русскому праву. Изслѣдованіе Сергѣя Ведрова. С.-Петербургъ, 1878, IV + 224. (Магистерское разсужденіе).

При бѣдности нашей литературы по полицейскому праву, нельзя не привѣтствовать каждаго новаго изслѣдованія хотя-бы только отдѣльныхъ частей этой науки, въ особенности если изслѣдуемая часть обнимаетъ собою вопросы, наиболѣе сложные и имѣющіе наибольшій практическій интересъ. Относясь съ этой точки зрѣнія къ книгѣ г *Ведрова*, мы признаемъ за авторомъ ея заслугу избранія предметомъ изслѣдованія одного изъ вопросовъ наиболѣе спорныхъ въ наукѣ полицейскаго права и, сравнительно, наименѣе изслѣдованныхъ. Но, къ сожалѣнію, въ рецензируемой нами книгѣ интересомъ предмета не окупаются многіе и существенные ея недостатки *).

Существеннѣйшій недостатокъ изслѣдованія г. *Ведрова* заключается въ томъ, что въ немъ не разрѣшается принципіально вопросъ объ отношеніи полиціи къ лѣсамъ. Г. *Ведровъ* не только не изслѣдовалъ вопросъ о томъ, что нужно-ли вообще какое либо полицейское вмѣшательство въ дѣло лѣснаго хозяйства, но даже прямо отказался отъ этого изслѣдованія, говоря „мы съ намѣреніемъ не коснулись одного весьма выдающагося въ западной литературѣ направленія той школы экономистовъ, которая проповѣдуетъ полное освобожденіе лѣсовъ отъ всякаго контроля, систему свободы въ лѣсохозяйствѣ съ предоставленіемъ свободной конкуренціи рѣшить вопросъ о выгодности или

*) Въ IV кн. журнала Гражданскаго и Уголовнаго права за 1878 г. напечатана рецензія г. *Коркунова* на книгу г. *Ведрова*, а потому въ нашей рецензіи мы ограничимся только чертами, не затронутыми г. *Коркуновымъ*.

невыгодности правильнаго веденія въ государствѣ лѣснаго хозяйства. *Этого отрицательнаго направленія въ нашемъ вопросѣ мы не затронули съ одной стороны по обнаружившейся его несостоятельности, а съ другой и потому, что всѣ указанныя сочиненія болѣе или менѣе направлены противъ этой теоріи, которая и разбирается весьма подробно въ нѣкоторыхъ изъ нихъ* (стр. 22)". Поступая такъ съ одной категоріей противниковъ полицейскихъ лѣсоохранительныхъ мѣръ, г. *Ведровъ* поступаетъ такъ-же съ ненавистниками лѣсоохраненія, какъ средства къ утвержденію права собственности на лѣсъ; онъ говоритъ: „одни ненавидятъ лѣсоохраненіе, какъ утвержденіе частной собственности на лѣсъ, какъ его поддержаніе со стороны государства и фактическое его осуществленіе, другіе напротивъ боятся лѣсоохраненія, какъ нарушенія ихъ правъ собственности какъ тягостную правительственную опеку, опасаются злоупотребленій административнаго за лѣсами надзора. *При распространеніи правительственныхъ свѣдѣній въ нашемъ народѣ (?), при общедоступности, чтобы не сказать общеобязательности образованія, первая часть общества легко пойметъ свою ошибку, но только принужденіе со стороны государства убѣдитъ вторую и поставитъ благосостояніе страны въ общемъ и каждой мѣстности въ частномъ въ зависимость не отъ частнаго произвола, но отъ частнаго повсемѣстнаго соблюденія условій, признанныхъ необходимыми (224)*". Порѣшивъ категорически, безъ ближайшаго поясненія, что полиція должна непремѣнно и очень строго охранять лѣсъ, г. *Ведровъ* не только пренебрегаетъ чужими указаніями на то, что полицейскія, лѣсоохранительныя мѣры сплошь и рядомъ приводили къ результатамъ отрицательнаго свойства, но не отступаетъ даже и тогда, когда ему самому попадается подъ руку масса фактовъ, подтверждающихъ тоже самое. Такъ, напримѣръ, г. *Ведровъ* пишетъ: „извѣстный германскій ученый лѣсничій Бернгардъ замѣчаетъ, что французскій лѣсоохранительный законъ не принесъ ожидаемыхъ плодовъ, что бѣдствія отъ лѣсоистребленія повторялись и послѣ его изданія и что болѣе плодотворна была дѣятельность наполеоновскаго правительства по лѣсоразведенію. *Не отрицая важныхъ услугъ (быть можетъ единственныхъ) правительства Наполеона III по облѣсенію ландовъ, мы считаемъ указанный законъ чрезвычайно важнымъ для предупрежденія на будущее время гибельнаго лѣсоистребленія: при правильной дѣятельности администраціи, на которую code forestier возлагаетъ всѣ свои надежды,*

предсказаніе приписываемое Кольберу, „la France périra faute de bois“ останется пустымъ словомъ (33, 34)“. Затѣмъ, говоря о законодательствѣ лѣсномъ Петра I и будучи сторонникомъ этого законодательства на столько, чтобы видѣть въ немъ даже *„основаніе для дальнѣйшихъ реформъ въ этомъ направленіи* (76)“, самъ же г. *Ведровъ* говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что *„не смотря на всѣ мѣры, принимаемыя правительствомъ, недостатокъ лѣса въ центральной Россіи въ особенности въ окрестностяхъ древней столицы ея продолжалъ возрастать* (145)“. Наконецъ, далѣе, опять таки самъ-же г. *Ведровъ* говоритъ: *„замѣчательно, что въ мѣстностяхъ, гдѣ разъ проявляется недостатокъ въ лѣсѣ, вслѣдствіе его вырубки, само общество обыкновенно склонно къ принятію чрезвычайно суровыхъ мѣръ противъ лѣсоистребленія, тогда какъ въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсами, напротивъ—малѣйшее стѣсненіе кажется тягостнымъ* (149)“. Итакъ, не взирая на вышеизложенное и не разбирая даже воззрѣній своихъ противниковъ, г. *Ведровъ* является безусловнымъ защитникомъ полицейскихъ лѣсоохранительныхъ мѣръ и притомъ самыхъ суровыхъ, какъ это видно изъ того, что онъ порицаетъ прусскій лѣсной уставъ и русскій проктъ лѣсного устава за чрезмѣрную мягкость (39, 42, 43, 194), защищая въ то же время французскій code forestier и лѣсное законодательство Петра I-го (33, 34, 76).

Порѣшивъ съ вопросомъ о полицейскомъ лѣсоохраненіи въ безусловно утвердительномъ смыслѣ непринципіально, а какъ-бы по капризу, г. *Ведрову* оставалось, согласно съ заглавіемъ книги, говорить только о лѣсоохранительныхъ, полицейскихъ мѣрахъ по русскому законодательству, принявъ за основаніе изложенія какой угодно порядокъ. Но г. *Ведровъ* почему-то отнесся къ этой, чрезвычайно имъ-же самимъ упрощенной задачѣ совсѣмъ иначе, и, съ одной стороны, началъ говорить о многихъ совершенно посторонніхъ предметахъ, а съ другой—въ основномъ предметѣ началъ дѣлать еще разнаго рода сокращенія, упрощенія и даже искаженія *). Такъ, напримѣръ, авторъ, безъ всякой видимой причины говоритъ, о соціализмѣ и притомъ довольно подробно, хотя и неясно.

---

*) Искаженія указаны въ рецензіи г. *Коркунова*.

Г. *Ведровъ* говоритъ: „ученія коммунистическія и болѣе умѣренныя соціалистическія требуютъ отъ государства вмѣшательства въ дѣло распредѣленія имуществъ и нельзя отрицать, что при современномъ строѣ западно-европейской жизни, при преобладающемъ вліяніи демократіи вопросъ о болѣе правильномъ распредѣленіи имуществъ получаетъ все большее государственное значеніе. Не касаясь подробностей этого весьма замѣтнаго на Западѣ движенія, мы позволимъ себѣ указать, что требованія лѣсоохраненія не только вполнѣ современны въ этомъ смыслѣ, но и могутъ найти себѣ значительную опору въ этомъ направленіи общества (48)". Это мѣсто, весьма туманное, затемняется еще болѣе при сопоставленіи его съ другими мѣстами, касающимися соціализма.

Такъ г. *Ведровъ* утверждаетъ, что „принципъ римскаго права „qui suo jure utitur nemini laesit" уступаетъ въ настоящее время болѣе гуманному стремленію допустить всѣхъ до пользованія по возможности равномѣрно имущественными благами". Въ другомъ мѣстѣ г. *Ведровъ* сообщаетъ, что „изъ всѣхъ этихъ (т. е. сенатскихъ въ 1720 г.) правительственныхъ мѣръ противъ возрастающей дороговизны топлива и строеваго лѣса въ Петербургѣ легко замѣтить, что единственнымъ средствомъ къ уменьшенію дороговизны признавалась возможность безпрепятственной рубки лѣса повсюду, не исключая и частныхъ дачъ. *Такая мѣра, несправедливая въ своемъ основаніи, какъ одно изъ существенныхъ и притомъ ничѣмъ не оправдываемыхъ нарушеній правъ собственности, имѣла весьма мало значенія на практикѣ* (90)". Въ другомъ мѣстѣ: „дозволеніе это (рубить въ нѣкоторыхъ случаяхъ дубъ) весьма важно, такъ какъ оно является *уступкою праву частной лѣсной собственности, которое Петръ неоднократно грубо нарушалъ въ своемъ лѣсномъ законодательствѣ* (116)". Говоря объ указѣ 23 ноября 1781 г., г. *Ведровъ* только въ скобкахъ упоминаетъ о дозволеніи крестьянамъ, этимъ указомъ, безденежно рубить лѣсъ для домашнихъ нуждъ своихъ (161). Далѣе, все тотъ-же г. *Ведровъ* замѣчаетъ, что „тысяча семьсотъ восемьдесятъ вторымъ годомъ кончается въ Россіи исторія лѣсоохраненія и начинается съ одной стороны исторія управленія казенными лѣсами, а съ другой печальная лѣтопись истребленія частныхъ лѣсовъ ихъ собственными хозяевами *вслѣдствіе необезпеченности и малодоходности лѣсной собственности вообще и стремленія потому къ превращенію лѣсной недвижимой собственности въ деньги* (171)". Въ другомъ мѣстѣ: „существующій (теперь) порядокъ вещей

очевидно по направленію дѣятельности лѣснаго управленія ведетъ лишь къ ухудшенію положенія дѣлъ, увеличивая массу лѣсовъ частныхъ, *именно лѣсовъ крестьянскихъ, уничтожаемыхъ особенно быстро* (188)". Наконецъ: „*лѣса крестьянскія уничтожаются наиболѣе быстро; крестьяне берегутъ свой лѣсъ тамъ, гдѣ есть возможность рубить тайкомъ казенный или владѣльческій, такъ что мысль лѣснаго управленія объ уменьшеніи числа самовольныхъ порубокъ выдѣломъ крестьянамъ лѣсовъ не только не оправдывается, но приводитъ только къ противоположнымъ результатамъ* (196)", а на стр. 39-й сказано: „лѣсоохраненіе требуется, какъ то выставила и теорія въ Германіи, интересами общими, государственными, а какъ скоро мы говоримъ объ интересахъ общегосударственныхъ, мы не можемъ имѣть въ виду никакого за то вознагражденія; подобно праву государства налагать подати и повинности, оно можетъ требовать въ извѣстныхъ случаяхъ и ограниченій частной собственности, не приходя при этомъ непремѣнно къ экспропріаціи, которую нѣкоторые считаютъ наиболѣе справедливою въ дѣлѣ лѣсоохраненія. При правильной организаціи лѣсоохраненія, государство никакъ не лишаетъ лѣсовладѣльца его правъ на принадлежащій ему участокъ, но только требуетъ извѣстнаго подчиненія личныхъ его интересовъ и желаній интересамъ общественнымъ, что представляется вполнѣ справедливымъ и не должно вызывать вознагражденія".

Сопоставляя эти выдержки можнообъяснить ссылку г. *Ведрова* на коммунизмъ и болѣе умѣренный соціализмъ развѣ только тѣмъ, что авторъ хотѣлъ затронуть болѣе или менѣе современный вопросъ, такъ какъ у г. *Ведрова* встрѣчаются многія мѣста, могущія быть мотивированными только такимъ соображеніемъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 34-й авторъ въ слѣдующей формѣ сообщаетъ о предосудительныхъ дѣйствіяхъ французскихъ префектовъ 16 мая, министерства *Брольи*, неимѣвшихъ, какъ извѣстно, никакого отношенія къ лѣсоохраненію: „но опасною стороною этого закона (code farestier) остается его зависимость отъ административной дѣятельности; *если же префекты, оставивъ всѣ свои прямыя обязанности, обратятся къ политической агитаціи по выборамъ, какъ было, напр., въ послѣднее время то естественно и положенія лѣснаго кодекса, какъ и многихъ другихъ законовъ, рискуютъ остаться мертвой буквой*". Такъ-же упоминается о значеніи соединенія (союзовъ) въ организмѣ управленія: „дѣятельность общества, говоритъ авторъ, въ видѣ дѣятельности отдѣльныхъ союзовъ, проникаетъ въ настоящее время всѣ

отрасли администраціи, составляетъ по ученію Штейна, единое неразрывное цѣлое съ дѣятельностью правительственною. Теперь невозможно поэтому игнорировать эту дѣятельность союзнаго строя въ какомъ бы то ни было вопросѣ внутренняго управленія, по какому бы то ни было предмету полицейской дѣятельности. Прекраснымъ дополненіемъ въ этомъ отношеніи французскому праву является современное законодательство германское, давшее въ дѣлѣ лѣсоохраненія много мѣста дѣятельности союзной (33)". Послѣ этого однако г. *Ведровъ* отзывается о томъ же германскомъ законѣ слѣдующимъ образомъ: „законъ этотъ является хорошимъ дополненіемъ „code forestier", *ниже котораго онъ стоитъ по мысли, тѣмъ что вводитъ въ лѣсоохраненіе дѣятельность частныхъ союзовъ и мѣстнаго самоуправленія*, но впадаетъ при этомъ въ противоположную крайность и, не имѣя въ виду прямаго государственнаго значенія лѣсовъ, даетъ слишкомъ мало мѣста дѣятельности общей администраціи, вслѣдствіе чего отношеніе къ лѣсоохраненію въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ можетъ легко получить характеръ случайный (43)" *). Кромѣ того г. *Ведровъ* нѣмецкое слово Waldgenossenschaft переводитъ словами „лѣсная артель (35)", на томъ-де основаніи, что г. *Вреденъ* въ своемъ курсѣ Политической Экономіи употребляетъ такой терминъ.

Нельзя признать удачными также попытки автора поправлять или дополнять другихъ изслѣдователей вопроса о лѣсной полиціи. Такъ, напримѣръ, онъ дѣлаетъ упрекъ Гг. *Врангелю* и *Шелгунову*, зачѣмъ они ничего не говорятъ о лѣсовладѣніи въ Россіи до Царя Алексѣя Михайловича (52), и вотъ этотъ-то пробѣлъ у гг. *Врангеля* и *Шелгунова* заводитъ г. *Ведрова* въ страшныя дебри до-царскаго періода, гдѣ онъ договаривается до крупныхъ несообразностей (54—60), причемъ мы отказываемся слѣдовать туда за г. *Ведровымъ*, будучи увѣрены, что, на публичной защитѣ авторомъ своего разсужденія столь компетентные оппоненты, какъ, напр., проф. *Сергѣевичъ*, объяснили ему всю глубину нелѣпостей, наговоренныхъ имъ по поводу лѣсной собственности въ древней Руси. Г. *Ведрову* тѣмъ менѣе слѣдовало говорить о лѣсной собственности, что онъ на стр. 170 въ прим. самъ-же поясняетъ: „мы не говоримъ о различныхъ по владѣнію видахъ лѣсовъ, такъ какъ съ од-

*) Во всѣхъ выпискахъ изъ изслѣдованія *Г. Ведрова* мы сохранили правописаніе подлинника.

ной стороны намъ придется еще мѣстами коснуться ихъ, а съ другой эти виды имѣютъ значеніе болѣе по отношенію къ самымъ формамъ владѣнія, *чѣмъ по отношенію вопроса о лѣсоохраненіи*". Разумѣется это положеніе г. *Ведрова* невѣрно, но все таки оно давало ему возможность не говорить о предметѣ ему повидимому незнакомомъ, и притомъ еще поправляя другихъ. Вмѣстѣ съ этимъ г. *Ведровъ* избѣжалъ-бы также необходимости говорить объ охотѣ, бортныхъ ухожьяхъ, и въ особенности, о бобровыхъ гонахъ (55 и др.), имѣющихъ слишкомъ отдаленное значеніе къ вопросу о лѣсохраненіи, въ особенности тогда, когда въ изслѣдованіи почти ничего не говорится о различныхъ современныхъ лѣсныхъ сервитутахъ первостепенной важности.

Къ числу излишествъ въ книгѣ г. *Ведрова*, но менѣе существенныхъ, слѣдуетъ отнести очень подробное изложеніе о постройкѣ кораблей при Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ 1-мъ, причемъ авторъ оправдываетъ эти вставки, примѣрно, слѣдующимъ образомъ: „въ виду того что ближайшимъ поводомъ къ возникающему съ Петра В. законодательному охраненію лѣсовъ послужила его забота о флотѣ, мы считаемъ необходимымъ прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію Петровскаго періода коснуться первой попытки построить корабль сколько нибудь значительныхъ размѣровъ, указывающей на состояніе корабельнаго дѣла въ Россіи до Петра В. (74)", послѣ чего слѣдуетъ подробное описаніе (74—76) постройки корабля Орелъ въ селѣ Дѣдиновѣ. Такъ же точно въ книгу попала, совершенно неотносящая къ лѣсоохраненію, переписка Петра I съ Кудрявцевымъ (91—94) о своевременномъ транспортированіи корабельнаго матерьяла.

Включая въ свою книгу много ненужнаго матерьяла, или трактуя о предметахъ не вполнѣ усвоенныхъ, г. *Ведровъ* вмѣстѣ съ тѣмъ умалчиваетъ о многомъ, имѣющемъ прямое отношеніе къ предмету его изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, г. *Ведровъ* не исчерпываетъ „даже части всей литературы по вопросу о лѣсоохраненіи (22)", совершенно умалчивая о тѣхъ изслѣдованіяхъ по данному вопросу, въ которыхъ говорится о свободѣ въ лѣсохозяйствѣ (22), и о тѣхъ, въ которыхъ мѣры лѣсоохраненія порицаются какъ санкція права частной лѣсной собственности (224). Объ условіяхъ, на основаніи которыхъ слѣдовало межевать лѣса при Екатеринѣ II, онъ ничего не говоритъ, потому что условія эти изложены у *Шелгунова* (157). Относительно взгляда Екатерины второй на лѣса онъ замѣчаетъ, безъ ближайшаго поясненія,

что „на первое время взглядъ этотъ принесъ, согласно съ указаніями нашихъ памятниковъ, гибельные плоды, что утверждаютъ и всѣ предшествующіе намъ изслѣдователи,—въ особенности *Вранель* и *Шелгуновъ* спеціально разсматривавшіе наше лѣсное законодательство (163)". О лѣсномъ уставѣ Екатерины II онъ ничего не говоритъ, такъ какъ разборъ этого устава сдѣланъ уже *Вранелемъ* и *Шелгуновымъ* (167). О важнѣйшихъ лѣсныхъ сервитутахъ онъ даже не упоминаетъ, равно какъ о значеніи лѣсныхъ доменъ, о поощрительныхъ мѣрахъ къ лѣсоразведенію, о заповѣдныхъ лѣсахъ и о скупкѣ казною т. н. неудобныхъ земель для облѣсенія ихъ, — обо всемъ этомъ въ изслѣдованіи г. *Ведрова* не упоминается. Такъ что, если-бы г. *Ведровъ* продолжалъ писать въ этомъ духѣ, то отъ всей его книжки осталось-бы только то, чего нѣтъ у *Вранеля* и у *Шелгунова*, т. е. положеній, высказанныхъ авторомъ о лѣсной собственности въ до-царскомъ періодѣ, и о „коммунизмѣ съ болѣе умѣреннымъ соціализмомъ".

Рядомъ съ этими существенными недостатками, прерывающимися только тамъ, гдѣ авторъ ограничивается, безъ ближайшаго поясненія, простымъ хронологическимъ перечнемъ русскихъ законодательныхъ мѣръ по лѣсоохраненію (см. напр. 176), есть еще не мало второстепенныхъ недостатковъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести невѣрныя умозаключенія, частыя противорѣчія, опромѣтчивыя и невѣрныя положенія, неправильное построеніе отдѣльныхъ предложеній и цѣлыхъ періодовъ, неправильное употребленіе нѣкоторыхъ терминовъ и витіеватость слога.

Для указанія на неправильныя умозаключенія автора, сдѣлаемъ, на удачу, одну соотвѣтствующую выписку изъ его книги. „Замѣчательно, говоритъ г. *Ведровъ*, что къ указанному желанію городскихъ обывателей, о сокращеніи числа фабрикъ и заводовъ въ мѣстностяхъ, наиболѣе бѣдныхъ лѣсомъ, присоединилось и дворянство отъ которыхъ (?) также поступили мнѣнія о истребленіи, для соблюденія лѣсовъ, желѣзныхъ, стекольныхъ, сженія золы и прочихъ заводовъ (московской губ.: калужскаго, тульскаго, одесскаго, Алексинской; губ.: воронежскаго, уманскаго). Не касаясь многочисленныхъ крестьянскихъ наказовъ, составленныхъ мѣстами также въ указанномъ направленіи, *такъ какъ разсмотрѣніе ихъ повело бы насъ слишкомъ далеко*, мы позволимъ себѣ замѣтить, что по отношенію къ ясно выраженному въ нѣкото-

рыхъ мѣстностяхъ желанію сберечь лѣса, даже подавляя для того мануфактурную промышленность, *особенно важно мнѣніе класса торговаго, т. е. городскихъ обывателей и класса землевладѣльческаго, т. е. дворянъ. Совпаденіе желаній обоихъ этихъ классовъ въ двухъ губерніяхъ московской и воронежской показываетъ намъ, что уже въ прошломъ столѣтіи общество тѣхъ мѣстностей, которыя уже испытали недостатокъ въ лѣсѣ, сознавало всю важность охраненія лѣсовъ. Дворянство жалуется только на тягость обязательной службы, но затѣмъ незамѣтно, чтобы въ общемъ законодательная регламентація по отношенію къ лѣсамъ, при томъ уже утратившая по смерти Петра В. значительную часть своей суровости, была черезъ чуръ тягостна для жителей подобныхъ малолѣсныхъ мѣстностей* (152)“.

Какъ на образчикъ противорѣчій укажемъ на слѣдующія мѣста „недостатокъ въ лѣсахъ, говоритъ г. *Ведровъ*, сокращеніе ихъ площади, значительно облегчившее сбереженіе лѣса, являются обыкновенно и главными причинами возникновенія въ законодательствѣ раціональнаго лѣсоохраненія (пред. стр. III)“, но послѣ этого онъ же говоритъ, что „вопросъ о крупномъ и мелкомъ землевладѣніи и о ихъ преимуществахъ до сихъ поръ окончательно не рѣшенъ, но вопросъ о лѣсовладѣніи на основаніи техническихъ особенностей лѣсохозяйства долженъ считаться рѣшеннымъ *въ пользу крупнаго лѣсовладѣнія, при которомъ только и могутъ быть примѣняемы всѣ правила лѣсной культуры и лѣсоохраненія. Истина эта сознается всѣми и даже французскій code forestier изъемлетъ изъ своего покровительства мелкіе участки лѣса, несоставляющіе десяти гектаръ или не принадлежащіе къ другому лѣсу, превышающему эту мѣру.* Въ *Германіи издавна была сознана необходимость довольно значительной площади для правильнаго лѣсоводства и были примѣры образованія съ этою цѣлью товариществъ сосѣднихъ лѣсовладѣльцевъ, которыя имѣли цѣлью совмѣстную эксплоатацію своихъ лѣсовъ. Законъ 1875 г. принялъ за основаніе подобныя соединенія сосѣднихъ лѣсовладѣльцевъ въ товарищества и еще болѣе развилъ этотъ принципъ* (40)“. Въ другомъ мѣстѣ г. *Ведровъ* сообщаетъ, что „Пфейль считаетъ возможнымъ достиженіе наилучшей идеальной системы лѣсохозяйства только при частномъ лѣсовладѣніи, хотя и подтверждаетъ необходимость сохраненія въ то время большей части лѣсовъ въ рукахъ казны. Въ то время какъ Гундесгагенъ вполнѣ убѣжденъ въ важности именно государственнаго

владѣнія лѣсами, Пфейль считаетъ это владѣніе временнымъ и неизбѣжнымъ зломъ (13)", но послѣ этого самъ же г. *Ведровъ* поясняетъ, что *Пфейль задавшись небыточною мечтою вывести изъ ученія о государственномъ лѣсохозяйствѣ и финансовомъ управленіи казенными лѣсами ученіе объ общемъ облагодѣтельствованіи всего народа, не могъ придти къ какимъ либо результатамъ, вслѣдствіе безсилія той самой теоріи, которую онъ положилъ въ основаніе* (14)".

Что касается опромѣтчивыхъ и невѣрныхъ положеній и темныхъ опредѣленій, то они преизобилуютъ въ книгѣ г. *Ведрова*. Такъ, напр. на стр. 3-ей утверждается, что нашей исторіи почти неизвѣстно охраненіе лѣсовъ ради обезпеченія правъ охоты; далѣе—что „вопросъ о лѣсоохраненіи въ собственномъ смыслѣ этого слова возникъ только въ нынѣшнемъ столѣтіи (4)". Говорится о переходѣ лѣсовъ въ область государственныхъ имуществъ „въ то время когда финансовое значеніе лѣсовъ было уже сознано (3)", т. е. когда же? Дѣлая упрекъ г-ну *Гундесхагену* въ томъ, что въ книгѣ его много недостатковъ въ системѣ, г. *Ведровъ* не указываетъ однако на эти недостатки, а ограничивается только утвержденіемъ, „что недостаки эти объясняются тѣмъ, что трудъ этотъ появился до появленія труда Роб. Мола (11)". Столь же доказательно г. *Ведровъ* утверждаетъ, относительно одного вывода *Роб. Моля*, „что выводъ этотъ, напоминающій сужденія публицистовъ XVIII вѣка, сдѣланъ Молемъ единственно изъ желанія крайней послѣдовательности (16)".

Не мало въ книгѣ также и совершенно ненужныхъ поясненій.

Такъ напр. на стр. 61-й авторъ поясняетъ, что „на основаніи источниковъ мы можемъ заключить, что Русь изобиловала пушнымъ звѣремъ и имѣла даже столь дорогихъ пушныхъ звѣрей, какъ соболь, куница, бобръ, которые въ настоящее время считаются рѣдкими даже въ отдаленныхъ окраинахъ нашего государства". На стр. 73-й онъ толкуетъ, что слово *угодья* „имѣетъ двоякій смыслъ: какъ юридическій терминъ для обозначенія правъ въ чужомъ недвижимомъ имѣніи и какъ экономическій, какъ обыкновенное сельскохозяйственное выраженіе для обозначенія извѣстныхъ особаго рода доходовъ изъ различныхъ побочныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ статей".

Отдѣльныя предложенія и цѣлые періоды, неимѣющіе смысла сами по себѣ, или вслѣдствіе неправильнаго построенія ихъ, встрѣчаются въ книгѣ г. *Ведрова* на каждомъ шагу. Такъ напр. г. *Ведровъ* говоритъ

что *Гундесгагенъ* „считаетъ непремѣнною обязанностью государства обезпечить для страны трудно вознаградимый въ случаѣ вырубки лѣсъ (11, 12)". „Министерство государственныхъ имуществъ, признавая въ виду дошедшихъ до него свѣдѣній о размѣрахъ и послѣдствіяхъ лѣсопотребленія въ Россіи, испросило Высочайшее соизволеніе, послѣдовавшее 24 ноября 1875 г. о представленіи дѣла въ комитетъ министровъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 2 января 1876 года, постановленія котораго была учреждена коммиссія для ближайшаго обсужденія этого вопроса (195)". Удовлетворительное состояніе лѣсовъ въ Германіи „зависитъ отчасти отъ сравнительно меньшаго количества лѣсовъ и въ особенности отъ обилія свѣдущихъ лицъ, которые даже и не всѣ могутъ найти примѣненіе въ Германіи (213)". Прусскій законъ преслѣдуетъ двоякую цѣль: „образованіе и охраненіе особыхъ охранныхъ заповѣдныхъ лѣсовъ (Schutzwaldungen) и созданіе лѣсныхъ товариществъ или, какъ бы мы предложили болѣе самобытный русскій терминъ, какъ онъ входитъ въ употребленіе въ нашей экономической литературѣ, лѣсныхъ артелей (35)". „Заграничная торговля лѣсомъ обращала на себя вниманіе даже до Петра В.; Петръ В., преслѣдуя и въ этомъ отношеніи свою любимую идею, назначилъ сверхъ денежнаго дохода отъ этой торговли вслѣдствіе отдачи ея на откупъ иностранцамъ обыкновенно голландцамъ, доказательства чему сохранились, какъ въ П. Собр. Зак., такъ, и въ рукописныхъ контрактахъ въ дѣлахъ Вальдмейстерской конторы, извѣстную пошлину натурой, состоявшую въ отобраніи на флотъ лучшихъ деревьевъ въ извѣстномъ опредѣленномъ процентѣ. Послѣ Петра I заграничный отпускъ лѣса являлся исключительно доходною таможенною статьею и только при Аннѣ Ивановнѣ впервые высказывается подобное покровительственное направленіе (131)". Г. *Ведровъ* утверждаетъ, что *Нфейль* поставилъ „одною изъ важнѣйшихъ задачъ своего труда изслѣдованіе вопроса: какимъ образомъ доставить, при постоянномъ его увеличеніи, народонаселенію пищу и работу (достаточно было этого втораго условія) *), вообще обезпечить общее благосостояніе, отвѣчая на него, что это

*) Эта странная вставка въ скобкахъ принадлежитъ не намъ, а г *Ведрову*, которому, какъ будто, неизвѣстно, что и съ работой умираютъ съ голоду.

можно достигнуть осторожною (безопасною для общаго благосостоянія страны) уступкою лишней годной для обработки лѣсной земли (12)". Этихъ буквальныхъ, до мельчайшихъ подробностей точныхъ выписокъ, мы полагаемъ, совершенно достаточно, чтобы доказать, что въ книгѣ г. *Ведрова* встрѣчаются предложенія и цѣлые періоды, неимѣющіе смысла, причемъ обстоятельство это едва-ли можно объяснить одними только типографскими погрѣшностями.

Въ примѣрахъ, для доказательства неправильнаго употребленія г. *Ведровымъ* нѣкоторыхъ словъ и терминовъ, также нѣтъ недостатка. Начнемъ съ того, что по нашему мнѣнію, самое заглавіе книги совершенно неправильно, ибо, во первыхъ, г. *Ведровъ* говоритъ въ ней не объ одномъ только лѣсоохраненіи, но и о размноженіи лѣса, объ уничтоженіи его, о торговлѣ лѣсомъ, о кораблестроеніи, о лѣсномъ управленіи и т. п.,—словомъ о лѣсной полиціи въ обширномъ смыслѣ этого слова; во вторыхъ, г. *Ведровъ* ничего или почти ничего не говоритъ о *русскомъ правѣ*, а говоритъ онъ о русскомъ законодательствѣ и притомъ не объ одномъ только русскомъ законодательствѣ, но и о законодательствахъ иностранныхъ въ той мѣрѣ, въ какой авторъ нашелъ это удобнымъ. Далѣе, на стр. 2-ой употреблено выраженіе" *финансовая* сторона лѣсоохраненія", говоря объ обезпеченіи опредѣленнаго дохода частному владѣльцу лѣса. На стр. 46, 118, 152, 160, 185, 200, и др. авторъ употребляетъ терминъ „древесина" въ смыслѣ родоваго понятія для всего лѣснаго матерьяла т. е. топлива, строительнаго и подѣлочнаго лѣса и т. п. На стр. 172-ой мы находимъ такую фразу „къ первой группѣ относится довольно много *категорій лѣсовъ, образовавшихся исторически*". На стр. 198 авторъ утверждаетъ, что лѣсъ „Тамбовской и нѣкоторыхъ другихъ центральныхъ губерній по преимуществу *лиственичный*". На стр. 205, 208 и др. употребленъ терминъ „расчистка лѣса" въ смыслѣ сплошной вырубки лѣса подъ поле, вслѣдствіе чего авторъ приводитъ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ запрещавшихъ будто-бы „расчистку лѣса". На стр. 224 говорится о „распространеніи правительственныхъ свѣдѣній въ нашемъ народѣ". И т. д.

Наконецъ, остается еще указать на витіеватость слога г. *Ведрова*, дѣлающую чтеніе его книги крайне непріятнымъ, тѣмъ болѣе что этотъ недостатокъ не прикрывается содержаніемъ. На стр. 4-й говорится: „Франція является *отечествомъ государственнаго лѣсоохраненія*, проведеннаго въ

ней сначала въ силу сильнаго развитія самодержавія, а позднѣе, при перемѣнѣ правительства послѣ революціи, благодаря народному сознанію необходимости сбереженія лѣсовъ. Первыя охранительныя постановленія относятся во Франціи къ времени Людовика XIV, *являвшагося крайнимъ представителемъ самодержавія, олицетворявшаго даже въ себѣ государство*". На стр. 22, 23: „Франціи, странѣ наиболѣе поддающейся впечатлѣнію первой минуты, нерѣдко горько выкупавшей свои минутныя увлеченія, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда сознававшей и самоотверженно исправлявшей сдѣланныя ошибки, было суждено и въ этомъ случаѣ подать достойный подражанія примѣръ". На стр. 109: „Но краснорѣчивѣе всего, безъ сомнѣнія, говорили безмолвныя висѣлицы, разставленныя черезъ каждыя пять верстъ по лѣснымъ межамъ, ясно свидѣтельствовавшія объ отношеніи царя къ охраненію лѣсовъ: всѣ знали, что эти ужасныя украшенія по одному мановенію царя могли быть наполнены жертвами, при чемъ приговоръ могъ быть исполненъ лишь для того, чтобы, по древнему выраженію, другимъ не повадно было такъ дѣлать". На стр. 120: „Подобно тому какъ самая личность Петра Великаго была личностью исключительною, возвышающеюся въ многихъ отношеніяхъ надъ современниками, такъ и его законодательство является чѣмъ-то исключительнымъ, выдающимся, не имѣвшимъ ни прежде ни послѣ подобнаго. Со смертью Петра Великаго можно было заранѣе предвидѣть постепенное паденіе большей части его предначертаній; правда осталась буква закона, но ее не одушевлялъ болѣе его геній и она утратила всякое значеніе. Твердая непреклонная воля великаго законодателя одна могла удержать народъ въ предѣлахъ, поставленныхъ чуждымъ духу этого народа законодательствомъ. Со смертью Петра I все внезапно перемѣнилось: могущественный по мысли Петра сенатъ, дѣйствовавшій непосредственно отъ имени государя, долженъ былъ преклониться вскорѣ предъ всемогущимъ отнынѣ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ". На стр. 121: „Намъ кажется, что это исключеніе упомянутыхъ провинцій изъ общаго лѣсоохранительнаго закона является несправедливымъ длякореннаго русскаго населенія и обусловливается главнымъ образомъ тою пагубною слабостью правительства, о которой мы упомянули. Но затѣмъ начинается систематеческое ослабленіе установленныхъ Петромъ лѣсоохранительныхъ законовъ. Постановленіе о Лифляндіи и Эстляндіи мы выдѣляемъ изъ этого общаго ряда, потому что оно было обусловлено не столько жела-

ніемъ смягчить лѣсоохранительные законы Петра I, сколько тою угодливостью иностранному элементу этихъ мѣстностей, которая постепенно создала изъ нихъ, какъ бы status in statu и подготовила то надменно-враждебное отношеніе нѣмецкаго населенія остзейскаго края къ Россіи, которое проявляется и до настоящаго времени въ упорномъ его сопротивленіи благодѣтельнымъ реформамъ, общимъ для всей Имперіи". На стр. 154: „Въ лѣсномъ законодательствѣ отразилась весьма рельефно вся разница, заключающаяся между направленіями двухъ великихъ нашихъ реформаторовъ Петра I и Екатерины II и зависящая, разумѣется, отъ вліянія эпохи, особенно сильно отразившагося на Екатеринѣ II. Время, въ которое жила и дѣйствовала Екатерина, было временемъ великаго броженія, закончившагося на Западѣ первою французскою революціею: идеи, подготовлявшія это важнѣйшее изъ событій новой исторіи, отразились и на нашемъ законодательствѣ, такъ что всѣ дѣйствительныя реформы были произведены до роковаго 1789 г. Одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей французской соціальной исторіи Лоренцъ Ф. Штейнъ, выясняя основанія революціоннаго движенія 1789 года, замѣчаетъ, что то была борьба безправной массы третьяго сословія противъ привилегированныхъ двухъ первыхъ классовъ, неразрывныхъ съ идеею королевской власти; борьба шла въ началѣ исключительно изъ за правъ политическихъ, въ самой знаменитой формулѣ „liberté, égalité, fraternite" не было идеи равенства имущественнаго, идеи позже возникшаго коммунизма. Направленіе общества, литературы въ ея наиболѣе выдающихся представителяхъ, было прямо противоположно господствующимъ прежде идеямъ, при которыхъ возникло у насъ петровское законодательство. Эпоха Петра I, современника Людовику XIV, было временемъ сильной государственной централизаціи: государство, отождествляемое съ лицомъ государя, являлось чѣмъ то всеобъемлющимъ, всецѣло поглощающимъ личность гражданина, напоминая въ этомъ отношеніи государства классическія. Не даромъ замѣчаетъ тотъ-же публицистъ, о которомъ мы только что упомянули, что государственная власть, сломивъ сопротивленіе феодаловъ, сдѣлавшись самодержавною, нашла для своей дѣятельности этическое основаніе въ греческомъ ученіи о πολιτεια". Далѣе слѣдуютъ contrat social, tiers état Адамъ Смитъ и т. д. и все это для того, чтобы въ заключеніи сказать: „вотъ почему Екатерина II дѣйствовала вполнѣ либерально, совершенно въ духѣ того времени, когда подготовлялся переворотъ

вынесшій буржуазію на вершину государственнаго могущества, отмѣняя строгое лѣсоохранительное законодательство Петра и предоставляя лѣса въ полную частную собственность". Такой непроходимый вздоръ на трехъ страницахъ (154—156).—Рядомъ съ такими витіеватыми періодами стоитъ цѣлая масса такихъ-же фразъ, или дополненій и поясненій.

Такъ напримѣръ, на стр. 62 г. *Ведровъ*, говоря о Дмитріѣ Донскомъ, поясняетъ, что это „знаменитый побѣдитель татаръ". На стр. 70 онъ называетъ царствованіе Алексѣя Михайловича „консервативнымъ", а царствованіе Ѳедора Алексѣевича—„слабымъ". На стр. 76 онъ называетъ Петра I „геніальнымъ братомъ Ѳедора Алексѣевича, великимъ преобразователемъ Россіи". На стр. 81-й онъ говоритъ, что въ описныхъ книгахъ указывались губернія, провинція и затѣмъ болѣе мелкія административныя дѣленія, причемъ, рядомъ съ словомъ губернія, въ скобкахъ поясняетъ"—напр. казанская". На стр. 33 онъ объясняетъ, что созданіе флота было „любимою мечтою Петра В.". На стр. 151, говоря, что обыватели Кіева въ своемъ наказѣ просили распространенія на нихъ дозволенія рубки лѣса въ казенныхъ и частныхъ дачахъ, онъ, рядомъ съ словами „обыватели Кіева", въ скобкахъ поясняетъ—„Кіевской г." На стр. 110 мы находимъ слѣдующую фразу: „девятаго февраля 1722 года былъ изданъ *составленный Петромъ I въ бытность его въ любимомъ селѣ Преображенскомъ января 17* общій указъ" и т. д. На стр. 112: „Петръ Великій, *не даромъ пользующійся извѣстностью нашего перваго лѣсовода*, заботился" и т. д. Говоря о петербургскихъ лѣсахъ, г. *Ведровъ* поясняетъ: „эти лѣса, *окружавшіе молодую столицу*, имѣли особенное значеніе для ея процвѣтанія (140)" На стр. 143, объясняется, что „послѣ краткаго царствованія Іоанна III вступила на престолъ Елизавета Петровна, *поставившая себѣ задачею продолжать дѣятельность державнаго своего родителя*". На стр. 118 сообщается, что „даже *такой рѣшительный законодатель*, какъ Петръ колебался и издавалъ многія распоряженія по отношенію къ лѣсамъ вслѣдствіе довольно случайныхъ причинъ" и т. д.

Несмотря однако на указанные недостатки, изслѣдованіе г. *Ведрова* не безполезно при осторожномъ пользованіи имъ.

И. Тарасовъ.

Оттиски изъ „Университетскихъ Извѣстій".
Непечатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра 1878 г.
Въ университетской тип. І. І. Завадзкаго.

2007059734